

ДРЕВНОСТИ ЭПОХ КАМНЯ И БРОНЗЫ НА АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКАХ БОСПОРА

При раскопках многих боспорских городов (Пантикея, Нимфея, Тиритаки, Мирмекия, Фанагории, Китея, Илурата) были обнаружены древности археологических эпох, весьма отдаленных от античной. Все эти вещи происходили из культурных слоев VI в. до н.э. — IV в. н.э. Они достаточно разнообразны по своему ассортименту: каменные орудия труда, органические окаменелости, антропоморфные изваяния и фрагменты керамики. Среди них очень мало изделий из бронзы. Известны только 3 секиры, упоминаемые В.А. Городцовым как происходящие из Керчи. Одна из них, явно импортная, опубликована¹. На ней выгравированы изображения быка, и солнечного диска, что позволяет определить ее назначение как ритуальное. Следует также упомянуть каменный топор периода энеолита и двухлопастный наконечник стрелы или дротика из Ольвии². В ранних (VI—V вв. до н.э.) слоях античных поселений встречаются фрагменты лепных залощенных сероглиняных сосудов с нарезным орнаментом (VII—VI вв.), принадлежавших догреческому населению Боспора. Они могли быть привнесены местным населением, переселявшимся в античные города.

Что же касается изделий из камня, то все они принадлежат археологическим культурам доскифского периода, распространенным в Северном Причерноморье задолго до прихода греков. Исследователи-антроповеды³ относят такие вещи ко времени поздней бронзы, т.е. к рубежу II—I тысячелетий до н.э. без достаточного на то основания. В действительности время изготовления упоминаемых артефактов может быть обозначено от позднего палеолита до конца эпохи бронзы (от XII до I тыс. лет до н.э.). Несомненно, что такие материалы являются чужеродными вещами в античной культуре и нуждаются в дополнительной интерпретации.

До сих пор эти древности рассматривались как свидетельства существования варварского догреческого населения и его поселений на местах боспорских городов в период непосредственно предшествующий греческой колонизации⁴. Может быть поэтому и появилась традиция все их, без должной классификации датировать концом эпохи бронзы по наиболее поздним экземплярам. Среди этих находок можно выделить 4 группы: 1) кремневые орудия труда и их фрагменты

¹ Городцов В. А. К вопросу о киммерийской культуре // ТСАРАНИОН. 1928. Т. II. С. 55.

² Капошина С. И. О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА. 1956. № 50. С. 159–160; Русеева А. С. Религия и культуры античной Ольвии. Киев, 1992. С. 165.

³ Гайдукевич В. Ф., Блаватский В. Д., Марченко И. Д., Кругликова И. Т., Капошина С. И., Худяк М. М.

⁴ Блаватский В. Д. Архаический Боспор // МИА. 1954. № 33; *его же*. Пантикея. М., 1964; Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25; *его же*. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // Там же; Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // МИА. 1958. № 85.

(как правило, они относятся к эпохе камня); 2) каменные топоры и их фрагменты, датируемые периодом позднего неолита – бронзы; 3) окаменелые позвонки китообразных (палеолит); 4) антропоморфные изваяния, характерные для эпохи поздней бронзы — конец II – начало I тысячелетия до н.э.

В первой группе орудия труда из кремня представлены в следующем ассортименте: скребла на отщепах и остроконечники верхнепалеолитического облика (Пантикопей, Нимфей, Китей); ножевидные пластины (их большинство) изготовленные в верхнепалеолитической и мезолитической технике (Пантикопей, Мирмекий, Тиритака, Нимфей, Илурат, Китей); ножи и их фрагменты, выполненные на основе ножевидных пластин в технике отжимной ретуши неолита – бронзы (Пантикопей, Мирмекий, Тиритака, Нимфей, Фанагория); наконечники стрел и копий времени неолита – бронзы (Ольвия, Мирмекий, Китей); нуклеусы мезолита и неолита. Последние носят на себе следы повторного использования. Из них делали лощила, растиральники и точильные камни, хотя кремень малоподходящий материал для таких целей.

К сожалению, стратиграфия находок кремневых изделий далеко не всегда фиксируется в археологических отчетах. В тех же случаях, когда место находки указано, большинство предметов, особенно ножевидные пластины и ножи, зафиксировано в культовых комплексах (Мирмекий, Тиритака, Нимфей, Китей); скребла и часть ножевидных пластин — на дне хозяйственных ям, виноделен, рыбозасолочных ванн и водосборных цистерн. Всего в двух случаях (в Тиритаке и Китее) кремневые изделия обнаружены при раскопках жилых домов.

Орудия второй группы — каменные топоры, молоты или булавы и их фрагменты найдены почти во всех боспорских городах. Однако только единичные предметы могут по архивным данным быть связаны с какими-то комплексами. Чаще всего в отчетах лишь констатируется факт их присутствия в том или ином античном слое на очень обширной площади. Данные по Китею более конкретны: здесь топор, фрагмент топора и булавы обнаружены в культовых комплексах (городском и домашнем святилища). Топор из Илурата найден в помещении с алтарями. Аналогичные изделия зафиксированы так же внутри винодельни, пифоса, хозяйственной ямы и крайне редко в жилых помещениях (Тиритака, Илурат) и в вымостке (Пантикопей).

К данной группе следует, вероятно, отнести и 8 длинных массивных галек секирообразной формы длиной от 9 до 14 см, найденных в эллинистических слоях китайских святилищ. Форма их безусловно ассоциировалась с топорами. Приношения галек в качестве вотивов отмечены в сакральных комплексах Олимпии⁵.

Памятники третьей группы — окаменелости эпохи палеолита присутствуют среди жертвоприношений в китайских ритуальных комплексах. Все 4 находки — это позвонки дельфинов и китообразных. Они могут быть связаны с церемониями в честь Афродиты в ее морских ипостасях⁶.

⁵ Руслева А. С. Указ. соч. С. 165.

⁶ Молева Н. В. Культ Афродиты в Китайском святилище // Боспор и античный мир. Н.Новгород. 1997. С. 95.

Памятники четвертой группы — антропоморфные изваяния эпохи поздней бронзы, найдены при раскопках Ольвии и Тиритаки. Две тиритакские стелы (мужская и женская) опубликованы и хорошо известны⁷. Они были найдены положенными плашмя («лицом» вниз) в основании крепостной стены V в. до н.э. Памятник из Ольвии находился в составе заклада подбойной могилы V в. до н.э. и также был обращен лицевой стороной вниз, т.е. внутрь погребальной камеры. По мнению Б. В. Фармаковского, он относится к доскифскому времени или даже к неолиту⁸. В северо-причерноморских античных центрах и на Боспоре, в частности, антропоморфным изваяниям придавалась роль оберега⁹. Включенные в различного рода строительные объекты, они всегда размещались соответственно, как бы охраняя «вверенные им сооружения». При этом следует заметить, что сложная форма антропоморфных памятников представляла для этого значительные неудобства. Тем не менее, такие изваяния всегда стремились сохранить целыми. Чаще всего для таких целей употреблялись античные памятники, но если попадались более древние, использовали и их.

Таким образом, большинство наших объектов исследования так или иначе связаны с культовыми комплексами и местами, где они могли играть роль хтонических апотропеев. Впервые гипотеза о том, что каменные топоры в античности служили амулетами была высказана в конце XIX в. А. С. Уваровым, Н. И. Веселовским и В. А. Городцовым¹⁰. Они отмечали, что в эпоху раннего и позднего железа таким топорам приписывалось божественное небесное происхождение, которое прослеживается даже в их названиях: ἀστροτελείουκόν — «звездный», т. е. «небесный» топор. Их называли также «громными» (громовыми) топорами (Уваров, Веселовский). И в древнегреческом, и в средневековом обществах все древние каменные орудия считались предохранительными средствами от всяких бед и злых духов, а иногда им приписывалась и лекарственная сила (Веселовский). Отмечается случаи коллекционирования таких реликто (Август), подношения их в качестве самых дорогих подарков (Алексей Комний Генрих IV), применение их в качестве ритуального оружия у стражников (в охране Хубилая были 2 стража с нефритовыми топорами. Летопись Чэгэнь-лу.). Их оправляли в золото и серебро и использовали в металлических рукоятках (Уваров, Веселовский). Высказывалось предположение и о том, что в период раннего железа каменные топоры “назначаются для парадных потребностей, играя роль начальнических и, может быть, жреческих знаков отличия”

⁷ Книпович Т. Н., Славин Л. М. Раскопки юго-западной части Тиритаки // МИА. 1941. № 4. С. 38; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 172; Gajdukevic V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971. S. 185.

⁸ Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии // ИАК. 1906. № 13. С. 180.

⁹ Молева Н. В. О некоторых особенностях погребального обряда на Боспоре (по материалам антропоморфных изваяний) // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб., 1991. С. 134.

¹⁰ Уваров А. С. Археология России. Каменный период. М., 1881. С. 5-7; Веселовский Н. И. Каменные орудия в курганах Северного Кавказа первых веков христианской эры // Труды XI Археологического Съезда. Т. I. М., 1901. С. 813-815; Городцов В. А. Указ. соч. С. 54.

(Городцов). К сожалению, в дальнейшем, все эти взгляды не получили должного развития.

Интерпретация находок эпох камня и бронзы возрождается в 50-е гг. XX века. Она была обусловлена находками целых серий таких вещей при раскопках разных городов Северного Причерноморья. Авторами новой точки зрения на эти материалы стали В. Ф. Гайдукевич и В. Д. Блаватский¹¹. Она сводилась к следующему: все такие древности были найдены жителями боспорских городов на месте или поблизости от последних при земляных работах. Каменные орудия труда и их фрагменты приносились в дома и использовались в качестве растиральников, пестов, точил, о чём свидетельствуют следы вторичной сработанности. Само же присутствие таких находок в ареале греческой ойкумены подтверждает то, что античные колонии в Северном Причерноморье возникали на местах, занятых с конца II тысячелетия местным населением. Вполне вероятно, что именно в русле этой концепции все каменные реликты из античных слоев датировались только периодом поздней бронзы и считались непосредственно предшествующими греческой культуре в прибрежных районах Северного Причерноморья. Такое толкование изучаемых находок оставалось неизменным около 50 лет.

Обращение к сведениям античных письменных источников, материалам собственных раскопок на городище Китей и к архивным данным, позволяющим судить о местонахождении той или иной вещи эпохи камня-бронзы в античных культурных слоях других боспорских городов, позволяет сделать некоторые предварительные выводы об особом "статусе" этих древностей в мировоззрении и религиозных обрядах боспорского населения.

Отношение греков к различным доисторическим диковинкам, попадавшим к ним, было не только уважительным, что свойственно любому цивилизованному народу, но и сакральным. Такая точка зрения нашла свое отражение в трудах Платона, Фукидида, Павсания, Лукреция, Светония. Иными словами она свойственна всей эпохе античности. Кости далеких предков и вещи, свидетельствующие об их героических деяниях, всегда вызывали интерес и почитались святыней (Фукидид, Платон). Старинные изделия, ведущие свое происхождение со времен Троянской войны и еще более древние, хранились в храмах и святилищах, о чём находим десятки примеров у Павсания. Император Август собирал и хранил древности и гигантские кости на своей вилле на о. Капри (Suet. Aug. 72.3). Лукреций Кар упоминает, что нашедшие каменные орудия древности хранили их и носили при себе в самых дорогих оправах (Lucr. 5). Известны каменные топоры из Афин и Александрии с греческими вотивными надписями (Уваров). В первых веках н.э. каменные орудия фигурировали в ритуалах в честь бога Митры (Уваров).

Поэтому, видимо, каменные древности, будучи случайно найденными, не выбрасывались, а приносились в боспорские города их жителями. Если же проследить где и в каких комплексах найдены эти вещи, то становится очевидным, что большинство их происходит из святилищ и различных сакральных мест, связанных с жертвоприношениями. Примеры: в Китее на территории городско-

¹¹ См. сн. 4.

го святилища и прилегающей к нему площади (раскопы II, V), в большом культовом помещении на раскопе IV; в Тиритаке — в зольнике, находящемся за пределами города в 500 м к северу¹²; в Илурате — в помещении с алтарем над ямой¹³; в Нимфе — на территории святилищ Кабиров и Деметры и храма Афродиты¹⁴, а также в погребениях на некрополе¹⁵; в Мирмекии — в расселинах материковой скалы вместе с золой, обломками родоско-ионийской керамики и женской головкой самосской терракоты¹⁶.

В тех случаях, когда подобные находки сделаны в хозяйственных или фортификационных постройках и в закладах могил, также заметны следы какого-то ритуала, свидетельствующие о функции оберегов, придававшейся таким древностям. Они, как уже отмечалось, могли находиться внутри виноделен, рыбозасолочных ванн, водосборных цистерн и т.д. В Илурате известна ступа, находящаяся в помещении с алтарем. Пестом к ней служил топор-молот с едва намеченным, но не выверленным отверстием. Наиболее вероятным во всех этих ситуациях будет предположение, что после сооружения и перед началом хозяйственного функционирования построек каменные артефакты древности кладись внутрь сознательно и сопровождались каким-то ритуалом. Вероятнее всего они призваны были обеспечить долгую жизнь сооружениям и охранять их содержимое.

В случаях, когда в кладку стен или могил помещались древние антропоморфные изваяния, подразумевались, скорее всего, те же цели. Об обряде, сопровождающем такие действия, можно судить по интересной находке в Тиритаке: в самом начале подземного хода, ведущего за пределы крепостных стен, над камнями перекрытия (поверх них) лежало антропоморфное изваяние "лицом" вниз, т.е. ко входу. Оно, вероятно, выполняло функции жертвенного стола, т.к. внешняя поверхность его имеет следы обжига. То, что изваяние античное, в данном случае не играет особой роли, т.к. предназначение используемых подобным образом антропоморфов оставалось в представлениях боспорского населения одинаковым.

Каменные топоры и их фрагменты, обнаруженные в местах жертвоприношений, заслуживают особого внимания. Все такие находки носят следы длительного использования, вероятно, имевшего место уже в античный период: даже обломки топоров и недосверленные секиры каким-то образом использовались в святилищах, т.к. все их грани сработаны и заглажены до полированного состояния. Но каково же могло быть их функциональное назначение? Точно ответить на этот вопрос пока нельзя. Предполагать же можно следующее. Еще с крито-микенской эпохи топор-секира в сознании греков ассоциировался с традицией жертвоприношения животных. Такие обряды имели место и в Северном Причерноморье, в том числе и на Боспоре. Не случайно в культовых комплексах этого государства на местах жертвоприношений иногда находят лезвия ножей

¹² МИА. № 85.

¹³ Там же.

¹⁴ Отчеты о работе Нимфейской экспедиции под руководством М. М. Худяка и Н. Л. Грач в архиве ГЭ.

¹⁵ Отчеты о работе Нимфейской экспедиции за 1974—1977 гг.

¹⁶ МИА. № 25.

(Мирмекий, Китей). Все они невелики по размеру и трудно представить, чтобы именно таким ножом умерщвляли быка или другое крупное животное. В этой связи вспоминается жертвоприношение Зевсу Полизю в Аттике, когда жертвенный бык убивался топором, причем жрец *бросал* топор в голову животного (Paus. 1.24,4; 28,11). Павсаний описывает также трон, стоящий перед храмом Аполлона Ликийского в Арголиде. На нем было изображение девушки, бросяющей в быка камень (Paus. II. 19,7). Если представить, что нечто подобное могло происходить и в боспорских святилищах, то становится понятным отсутствие в них металлических топоров и употребление каменных (в том числе недоделанных, а также окаменелых позвонков животных и секировидной гальки), вполне пригодных для таких целей. Объясняется и их сработанность от достаточно частого использования. В обрядах жертвоприношения вполне могли найти себе место и кремневые ножи, ножевидные пластины, и резцы, встречающиеся в сакральных комплексах Боспора. Разумеется, такая попытка реконструкции обряда жертвоприношений на Боспоре может быть предложена лишь в качестве очень осторожной гипотезы. Но нельзя не заметить, что: а) присутствие древностей эпохи камня и бронзы в античных слоях городов Боспора не носит случайного характера, а является отражением особенностей религиозного мировоззрения боспорян; б) большинство таких находок сделаны в сакральных комплексах и, очевидно, связаны с хроническими культовыми обрядами, скорее всего, жертвоприношениями; в) обнаружение этих древностей в хозяйственных, архитектурных и погребальных сооружениях также свидетельствует об использовании их в качестве оберегов и апотропеев. Причем они могут быть истолкованы и как дар подземным божествам — в земле найдены, в землю возвращены.

Все это позволяет судить о некоторых малоизвестных до сих пор аспектах религиозной жизни и мировоззрения боспорян.

E. A. Молев

РЕЛЬЕФНЫЕ МЕДАЛЬОНЫ ИЗ КИТЕЯ

Керамика с украшениями в виде рельефных изображений (мегарские чаши) появляется в Греции, по-видимому, еще во второй половине IV в. до н.э. Во всяком случае, в эллинистический период она уже получает широкое распространение во всех уголках античного мира, включая и Северное Причерноморье. Особую же популярность она приобрела в римское время, когда к греческим мастерам присоединились их римские коллеги. Первоначальным центром производства рельефной керамики принято считать Пергам¹, где нахо-

¹ Winnefeld H. Hellenistische Silberreliefs in Antiquarium der Königlichen Museen. Berlin. 1908; Deubner O. Über griechische Reliefkeramik im Hellenistischen Zeid // Archäologische Anzeiger. 1930; Edgars M. Greek Moulds. Catalogue general d'Antiquités